

РАЗДЕЛ 3. РЕЛИГИЯ, НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

БОКОВ Г.Е.

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии религии и религиоведения

Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, Санкт-Петербург)

ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РЕЛИГИИ И НАУКИ В СВЕТЕ КОНЦЕПЦИИ «СМЕНЫ ПАРАДИГМ»

*Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ
(отделение гуманитарных и общественных наук), проект № 16-33-01186
«Религия, наука и образование в современной России»*

Аннотация. Понятие «парадигма» было введено в философию науки Т. Куном, но вскоре стало использоваться и в других областях философского знания, а затем и некоторыми христианскими богословами. На сегодняшний день дискуссия о «смене парадигм» часто подразумевает, помимо прочего, также и пересмотр так наз. «парадигмы конфликта» в отношениях между религией и наукой. Примечательно, что тезис о диалоге религии и науки в последние десятилетия стал важнейшей частью не только западнохристианской, но и православной мысли. Интересно и то, что об этом на протяжении всего XX в. говорят многие учёные. Богословие, безусловно, реагирует на происходящие в мире фундаментальные перемены, особенно на заявления многих философов науки о смене картин мира и утверждении нового типа научной рациональности. Действительно, сегодня констатируется кризис мировой науки, который может восприниматься как переход к принципиально новой «постнеклассической» парадигме научного знания. Однако можно утверждать, что, как и наука, христианская теология сегодня также переживает «парадигмальный сдвиг», причём эти процессы происходят достаточно синхронно. В этой связи все большей популярностью пользуется тема «интеграции» богословия и науки, которая определяется как «концептуальное слияние науки и богословия», при котором «ни одна из дисциплин не оказывается полностью поглощённой другой». Теория синергетики, теология процесса и движение «Новой Эры» – это лишь некоторые примеры, свидетельствующие о глобальной тенденции к пересмотру как позитивистских и сциентистских, так и традиционных метафизико-теологических установок, происходящем в философии науки, в христианском богословии и в массовой культуре.

Ключевые слова: религия и наука, диалог, интеграция, смена парадигм, христианский (теистический) эволюционизм, теология процесса, постнеклассическая парадигма, синергетика, «новая онтология», «новая рациональность».

BOKOV G.E.

*PhD (Philosophy), Associate Professor at the Department of Philosophy of Religion and Religious Studies
St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)*

THE PROBLEM OF THE CURRENT STATE OF THE RELATIONSHIP OF RELIGION AND SCIENCE IN THE LIGHT OF THE CONCEPT OF “PARADIGM SHIFT”

*The study was supported by the grant of the Russian Foundation for Basic Research
(Department of Humanities and Social Sciences), project No. 16-33-01186
“Religion, Science and Education in Modern Russia”*

Abstract. The concept of “paradigm” was introduced into the philosophy of science by T. Kuhn, but soon began to be used in other areas of philosophical knowledge, and then by some Christian theologians. Today, the discussion of a “paradigm shift” often implies, among other things, also a revision of the so-called. “conflict paradigms” in the relationship between religion and science. It is noteworthy that the thesis on the dialogue of religion and science in recent decades has become an essential part of not only Western Christian, but also Orthodox thought. Throughout the XX century many scientists speak of this problem. Theology, of course, responds to the fundamental changes taking place in the world, especially to the statements of many philosophers of science about changing the pictures of the world and establishing a new type of scientific rationality. Indeed, today the crisis of world science is being ascertained, which can be perceived as a transition to a fundamentally new “post-non-classical” paradigm of scientific knowledge. However, it can be argued that, like science, Christian theology is also experiencing a “paradigmatic shift” today, and these processes occur quite synchronously. In this regard, the topic of “integration” of theology and science, which is defined as “the conceptual merger of science and theology”, in which “none of the disciplines is completely absorbed by the other”. The theory of synergy, the theology of the process and the movement of the New Era are just some examples showing the global tendency to revise both the positivist and scientific and traditional metaphysical and theological attitudes occurring in the philosophy of science, in Christian theology and in popular culture.

Keywords: religion and science, dialogue, integration, paradigm shift, Christian (theistic) evolutionism, process theology, post-non-classical paradigm, synergetics, “new ontology”, “new rationality”.

Тема взаимоотношений религии и науки – одна из самых популярных в современной западной философской, теологической и исследовательской литературе, а также в публичных дискуссиях. Последнее время она привлекает к себе все больше внимания как религиозных, так и светских авторов и в нашей стране. Такой интерес к данной проблематике имеет много причин. Среди них – новые мировоззренческие запросы, на которые дают свои ответы богословы традиционных авраамических религий, представители новых религиозно-философских учений и популяризаторы науки из числа известных учёных, в свою очередь выступающие как с религиозных, так и с атеистических позиций. Необходимость реагировать на стремительное развитие науки и новейших научных технологий, оказывающих все большее влияние на жизнь отдельного человека и всего человечества, является одной из важнейших задач, которые стоят сегодня перед интеллектуалами разных убеждений.

В первую очередь речь идёт об этической стороне внедрения тех или иных научных открытий, каждое из которых, как подчёркивают сегодня многие богословы и фи-

лософы, может и оказать пользу, и обернуться катастрофой. В официальном документе «Основы социальной концепции» Русской Православной Церкви (РПЦ) говорится, что «современные достижения в различных областях, включая физику элементарных частиц, химию, микробиологию, свидетельствуют, что они суть меч обоюдоострый, способный не только принести человеку благо, но и отнять у него жизнь» [Основы, <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html>]. Поскольку же именно «Евангельские нормы жизни» объявляются основой и гарантией нравственности, то утверждается необходимость сотрудничества между Церковью и светской наукой «во имя спасения жизни и еёенного устроения» [там же]. О том, что именно религия определяет духовно-нравственные основы личности и общества, говорят представители всех традиционных религий, настаивая на диалоге религии и науки.

Разумеется, существует и противоположная позиция, господствовавшая в советский период, но не являющаяся сугубо советской. Как отмечается в том же документе РПЦ, значительное число людей до сих пор «не перестают верить во всемогущество научного знания»; ещё в XVIII в. следствием такого взгляда было то, что «часть атеистически настроенных мыслителей решительно противопоставила науку религии» [там же]. РПЦ осуждает такую позицию, называя её «ложным принципом». В советской историографии, однако, противопоставление религии и науки как факторов «идеологической борьбы» было доминирующим. Речь шла о «конфликте» между ними за право формировать картину мира. В литературе отмечалось, что «научные истины» в предшествующие века «служители и защитники» религии «просто отвергали» как противоречащие религиозному учению. Однако когда наука достигла больших успехов, «в борьбе против научного мировоззрения» богословы «вынуждены перестраивать и модернизировать не только свою аргументацию, но и само содержание своих мировоззренческих построений» [Крывелев, 5, 3]. На сегодняшний день те учёные, которые публично высказываются с атеистических позиций и настаивают, что «все достижения современной мировой науки базируются на материалистическом видении мира», заявляют, что «наука и религия должны избегать друг друга» [Политика, http://scepsis.net/library/id_1346.html; Гинзбург]. Они также обосновывают автономность морали от религии.

Представленные выше позиции «диалога» и «конфликта» между религией и наукой – это нечто большее, чем просто различные точки зрения. Каждая из них уже множество раз повторялась в истории общественной мысли и, безусловно, это будет происходить и в будущем. Разумеется, такие противоположные философские установки чаще всего были свойственны сторонникам и критикам религии, хотя всегда находились и такие богословы, которые определяли «истинную науку» исключительно в богословских категориях и отказывали светской науке в какой-либо претензии на истину, а «диалог» с ней объявляли ересью. Наиболее последовательно о «конфликте» между религией и наукой говорили позитивисты, марксисты также разделяли этот взгляд. Однако с позиций «диалога» выступали не только подавляющее большинство богословов и религиозных философов. Об этом говорили и многие выдающиеся учёные, в том числе и в XX в. (и это тот бесспорный факт, который часто «мешал» тезису о победе научного знания над «религиозным мракобесием»), хотя далеко не все из этих учёных были конфессионально ориентированными верующими. Вместе с тем, следует признать, что споры о предельных основаниях бытия есть дискуссии, по сути своей, именно философские, так что те учёные, которые публично обосновывают или опровергают бытие Бога, зачастую экстраполируют отдельные научные знания именно на философию, т.е. выступают с собственной мировоззренческой позиции.

Совершенно оправдано для обозначения такого рода позиций использовать введённое в широкий оборот американским историком и философом науки Т. Куном понятие «парадигма» – именно так и поступает автор ставшей уже хрестоматийной работы

«Религия и наука: история и современность» американец И. Барбур. Он выделяет четыре таких парадигмы или модели отношений между религией и наукой: конфликт, независимость, диалог и интеграция [Барбур, 2001, 91–127]. С такой классификацией соглашается и профессор Кембриджского университета, один из самых авторитетных британских специалистов в области религии и науки, Дж. Полкинхорн, известный как физик-теоретик, влиятельный теолог и служитель Англиканской церкви [Полкинхорн, 2004, 29–33].

Под «парадигмой конфликта» принято понимать крайности «научного материализма» (у Полкинхорна – сциентизма) и библейского буквализма, которые, как пишет Барбур, предлагая выбирать между религией и наукой, «злоупотребляют наукой одинаково. Научный материализм, исходя из научных представлений, пытается затем делать широкие философские обобщения. Библейский буквализм исходит из богословских представлений, но стремится делать выводы о научных вопросах» [Барбур, 2001, 92]. «Парадигма независимости» предполагает, что «наука и богословие – совершенно самостоятельные области познания. Каждая из этих дисциплин свободна в выборе сферы поиска без оглядки на другую и без препятствий с её стороны» [Полкинхорн, 2004, 30]. Следует заметить, что многие русские религиозные философы занимали как раз такую позицию. Например, С.Л. Франк (1877–1950) писал, что «религия и наука не противоречат и не могут противоречить одна другой по той простой причине, что они говорят о совершенно разных вещах, противоречие же возможно только там, где два противоположных утверждения высказываются об одном и том же предмете» [Франк, 1953]. Он обосновывал, что «наука изучает мир и явления, в нём происходящие, без отношения их к чему-либо иному; религия же, познавая Бога, познает вместе с тем мир и жизнь в их отношении к Богу» [там же]. Практически в неизменном виде эти формулировки сегодня воспроизводятся в «Основах социальной концепции» РПЦ (XIV.1), что вовсе не исключает, а наоборот, предполагает диалог между религией и наукой: «Научное и религиозное познание имеют совершенно различный характер. У них разные исходные посылки, разные цели, задачи, методы. Эти сферы могут соприкасаться, пересекаться, но не противоречить одна с другой» [Основы, <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html>].

Модели «диалога» и «интеграции» (в терминологии Полкинхорна – «гармонии» и «ассимиляции») наиболее близки многим современным теологам [Полкинхорн, 2004, 30–31]. Под «парадигмой диалога» ими понимается «признание того, что науке и богословию есть что сказать друг другу по поводу тех явлений, в области которых их интересы пересекаются. Очевидные примеры такого обоюдного интереса – история вселенной, зарождение жизни, природа человека и отношения между сознанием и мозгом» [там же, 30]. Говоря об «интеграции» Барбур выделяет естественное богословие («существование Бога можно вывести из доказательств существования замысла природы, которые наука сделала еще более убедительными»), богословие природы и богословие процесса, в своих предпочтениях склоняясь к последнему [Барбур, 2001, 110–127]. В качестве современного «богословия природы» приводится такой пример «интеграции» или «ассимиляции» («концептуальное слияние науки и богословия», при котором «ни одна из дисциплин не оказывается полностью поглощённой другой» [Полкинхорн, 2004, 31]) как эволюционный теизм выдающегося католического мыслителя, учёного-палеонтолога, философа и богослова П.Т. де Шардена (1881–1955). Следует заметить, что в православном богословии к христианскому эволюционизму был склонен прот. А. Мень (1935–1990). Он писал: «величественная картина мировой эволюции, увенчанной созданием человека, не только не ослабляет религиозный взгляд на творение, но обогащает его, раскрывая бесконечную сложность становления твари. Библейские “дни творения” предстают теперь перед нами в виде грандиозного потока, который вынес

животное – природное существо на уровень миров сверхприродных» [Мень, прот., 1991, 104]. Вместе с тем, он разделял позицию «независимости» религии от науки, отмечая, как и С.Л. Франк, что «наука изучает видимый мир. Объектом её исследования является материальная Вселенная. Религия же есть духовное устремление к миру сверхчувственному, который не может быть постигнут чисто научными методами» [там же, 177]. Что же касается протестантской мысли, богатой примерами христианского эволюционизма, то теология процесса, действительно, как нельзя лучше характеризует модель «интеграции».

И. Барбур пишет, что «богословие процесса даёт определённый ответ на вопрос о месте деяний Бога в мире, как его описывает современная наука» [Барбур, 2001, xv]. Такая позиция, или парадигма «систематического синтеза», была «сформулирована в результате развития как научной, так и религиозной мысли, и послужила ответом на насущные проблемы, стоящие перед западной философией» [там же, 125]. Выделяя здесь философа А.Н. Уатхеда как наиболее влиятельного сторонника «категорий процесса», и теологов Ч. Хартсхорна и Дж. Кобба, сам Барбур соглашается с таким взглядом, хотя и с некоторыми оговорками. Философи и теологи процесса констатируют, что реальность можно принять в качестве «динамической ткани взаимосвязанных явлений», тогда как «изменение, случайность и новизна признаются такими же характеристиками природы» как и упорядоченность [там же]. При этом, как пишет Барбур, «сторонники теории процесса воспринимают Бога как источник новизны и порядка. Творение – это длительный и незавершённый процесс» [там же].

Примечательно, что такого рода парадоксальные проекты как философия и теология процесса, которые возникают на стыке науки и богословия, сегодня уже не воспринимаются как нечто абсурдное, как в своё время это было с теологией П.Т. де Шардена. Сам он писал, что «наше поколение и два предшествующих только и слышали, что о конфликте между религиозной верой и наукой. До такой степени, что однажды казалось – вторая должна решительно заменить первую. Но по мере продолжения напряжённости становится очевидным, что конфликт должен разрешиться в совершенно иной форме равновесия – не путём устраниния, не путём сохранения двойственности, а путём синтеза [де Шарден, 2002, 290]. Актуальность темы диалога и даже «интеграции» богословия и науки связана с происходящими изменениями в самой науке, которые столь фундаментальны, что здесь просто не обойтись без теории «смены парадигм». Если пользоваться терминологией выдающегося лингвиста Ф. де Соссюра, при разговоре о моделях отношений между религией и наукой речь шла о синхронном измерении, теперь же стоит обратиться и к диахронному.

В работе «Структура научных революций» (1962) Т. Кун (1922–1996) писал: «Под парадигмами я подразумеваю признанные всеми научные достижения, которые в течение определённого времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений» [Кун, 2003, 17]. Он указывал, что совокупность отдельных теорий, образующая метатеорию, утверждается в ходе «научных революций». Их предпосылками является период «научных аномалий», когда с помощью господствующей научной модели становится невозможно объяснить новые открытия, что приводит к «кризису» и «ломке» прежней парадигмы. Формирование новой метатеории, выступающей в качестве образца научного исследования на определённом этапе развития науки, связано с «парадигмальным сдвигом» или «сменой парадигм», т. е. с устраниением накапливающихся ранее противоречий в науке.

Концепция «смены парадигм» как нельзя лучше иллюстрирует происходящие в истории науки фундаментальные смены картин мира. Научная картина мира – это система представлений о свойствах и закономерностях реальной действительности, построенная в результате обобщения и синтеза научных понятий и принципов. Однако это

всегда именно модель, «в науке модели создаются путём отвлечения от общей картины явления тех его свойств, которые считаются наиболее важными для его происхождения», «назначение модели – частичное объяснение, а не детальное описание» [Полкинхрон, 2004, 31]. Именно такие модели со временем подвергаются радикальному пересмотру. Современные научные знания о микро- и макромире в своё время привели к пересмотру многих теоретических положений и исследовательских установок «классического механицизма» (ньютоновско-картизанская картина мира). Открытия XX в. были столь существенны, что в поисках адекватного языка описания реальности сами учёные стали обращаться к религиозно-философским категориям, в том числе, к индо-буддийской традиции. С появлением квантовой механики под вопрос были поставлены даже такие понятия как «объективность» и «материя», а также многие другие, долгое время казавшиеся незыблемыми научными истинами.

Весьма показательно, что появление таких фундаментальных теорий как теория синергетики, ставших предметом особого внимания философии науки, совпало с происходящим в самой христианской среде пересмотром христианской метафизики. Одним из первых теорию «смены парадигм» применил к истории христианской мысли (по аналогии с историей естествознания) один из самых известных либеральных, «опальных» и свободомыслящих католических теологов XX в. и современности Г. Кюнг (род. в 1928 г.). В работе «Великие христианские мыслители» он писал, что его предмет – «теология в свершении, теология в жизненном плане, теология в зеркале парадигмальных образов истории христианства – великих христианских мыслителей, которые показательны для целой эпохи» [Кюнг, 2000, 23].

Действительно, в истории христианской мысли можно говорить о сосуществовании (синхрония) различных теологических парадигм, возникавших в различные исторические эпохи (диахрония) (У Кюнга, в отличие от Т. Куна, «преодолённые» парадигмы не отбрасываются и не ликвидируются, а продолжают сосуществовать с новыми и более современными). Один из ярчайших тому примеров – эпоха Реформации, которая, безусловно, может быть охарактеризована как период «смены парадигм» в социально-политическом, культурном, теологическом и мировоззренческом плане. В тот период происходило утверждение нового типа христианского сознания, сегодня позитивная реакция теологии на научные инновации, безусловно, также определяет новую религиозную парадигму. И. Барбур, подробно останавливаясь на сопоставлении парадигм в науке и теологии, пишет о пяти «современных альтернативах классическому теизму», которые последовательно приходят на смену так наз. «монархической модели божественной верховной власти в богословии Средневековья и Реформации» и сосуществуют. Среди таких альтернатив он особенно выделяет «парадигму процесса», утверждая, что она наиболее адекватно отражает современное научное видение мира (в частности, глобальный эволюционизм) и свидетельствует о Боге как «творческом участнике космического сообщества» [Барбур, 2001, 377–378, 398, 409]. Барбур отмечает, что «парадигма процесса созвучна экологическому и эволюционному пониманию природы как динамической и открытой системы, которая характеризуется возникновением новых уровней организации, деятельности и опыта» [там же, 409].

О новом типе богословия, возникающем на фоне «смены парадигм», говорит и современный православный мыслитель, прот. Кирилл (Копейкин). Будучи по первой специализации кандидатом физико-математических наук, а затем – кандидатом теологии и доцентом Санкт-Петербургской Духовной академии, он возглавляет «Научно-богословский центр междисциплинарных исследований» при Санкт-Петербургском государственном университете (СПбГУ). Прот. К. Копейкин выступает с оригинальной богословской концепцией «новой онтологии» и пишет, что сегодня востребована «идея универсальности знания», то есть синтез естественнонаучного, гуманитарного и бого-

словского опыта. По его словам, в результате происходящих революций в науке возникает новая парадигма, при которой выстраивается новое, «более целостное видение мира, человека и Бога – в перспективе времени и в перспективе вечности» [Копейкин, прот. Наука и богословие]. Ссылаясь на самые обсуждаемые за последние десятилетия публикации лидеров мировой науки (преимущественно – физики), прот. К. Копейкин констатирует: «во всем мире наука сегодня испытывает кризис», и это неоспоримый факт. Однако, пишет он, «нынешние сетования о «конце науки» есть отражение переживания приближающейся смены парадигмы, если пользоваться терминологией Куна. Как знать, быть может, Господь расчищает место для чего-то нового» [Копейкин, 2014, 87–88]. По его словам, сегодня «складывается уникальная ситуация, когда наука и богословие вновь нуждаются друг в друге». «Несомненно, научная картина мира нуждается в расширении и углублении, которое позволило бы добавить живое, личностное, экзистенциальное, “внутреннее” измерение бытия – измерение, имеющее онтологический статус. И если мир – это действительно Книга, то помимо структуры у неё есть некий смысл, который нам ещё предстоит постичь» [там же, 91–92, 95].

О формировании «новой парадигмы» в науке философы, как и некоторые учёные, говорят последние пятьдесят лет, и это то время, когда, действительно, прежние представления о микро- и макромире были существенно пересмотрены и дополнены, и этот процесс ещё далёк от завершения. Но в этот период происходит и очевидная, зачастую даже радикальная трансформация христианской мысли, формируется новый тип христианского сознания. Можно сказать, что теология также как и наука переживает «парадигмальный сдвиг», причём, и это особенно важно, эти процессы происходят достаточно синхронно. Крайне иллюстративным в этой связи является высказывание современного отечественного философа, члена-корреспондента Ин-та философии РАН И.Т. Касавина. По его словам, потребность в «новом мировоззрении» приводит к тому, что «наука и религия, знание и вера, логика и риторика, теории и метафоры, факты и фантазии могут успешно взаимодействовать и образовывать единые концептуальные системы» [Касавин, 2006, 6].

Парадигма «интеграции» религии и науки, является, на первый взгляд, всего лишь парадоксом. Однако за ней могут стоять известные современные философы, учёные и богословы. Кроме того, по целому ряду причин она оказывается востребована массовой культурой, всё ещё увлечённой философией «всесоединства» и «космического сознания», что определённым образом коррелируется и с теорией синергетики, и с теологией процесса [Боков, 2013]. Таким образом, можно говорить о глобальной тенденции формирования нового типа рациональности. Академик РАН, выдающийся специалист в области философии науки В.С. Стёpin совершенно обосновано предлагает называть современную научную парадигму «постнеклассическим типом научной рациональности». Он отмечает, что «для выхода из глобальных кризисов придётся пересматривать прежнюю систему ценностей и мировоззренческих установок, на которых базируется прогресс современной техногенной цивилизации» [Стёpin, 2006, 17]. По мнению Стёпина, со вт. пол. XX в. происходит переход от техногенной цивилизации к модели мироустройства совершенно нового типа. По его словам, хотя «развитие в лоне христианской культурной традиции представления об особой ценности рациональности остаётся важнейшей опорой в поиске новых мировоззренческих ориентиров», сама рациональность при этом «обретает новые определения и новые модификации в современном развитии» [там же, 25].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Барбур, И. Религия и наука: история и современность / И. Барбур: пер. с англ. 2-е изд. – М.: Изд-во ББИ, 2001. – 434 с.
2. Боков, Г.Е. «Парадигма универсализма»: идеи «взаимодополнения» и «синтеза» религии и науки в современную эпоху. Статья первая. Метаморфозы восточных религиозно-философских учений на Западе и формирование «парадигмы универсализма» / Г.Е. Боков // Религиоведение. – 2013 – № 1. – С. 110–120.
3. Гинзбург, В. Наука и религия в современном мире [Электронный ресурс] / В. Гинзбург. – URL: <http://www.atheizmru.ru/ginzburg/06.htm> (дата обращения 20.05.2018).
4. Касавин, И.Т. О возможности нового направления исследований: «Science&Spirituality» / И.Т. Касавин // Наука и религия. Междисциплинарный и кросс-культурный подход. Научные труды / под ред. И.Т. Касавина. – М.: «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2006. – С. 5–10.
5. Копейкин, К. Замечания к истории взаимоотношений науки и богословия в России / К. Копейкин // Вера и знание: взгляд с Востока / под ред. Т. Оболевич. – М.: Изд-во ББИ, 2014. – С. 82–102.
6. Копейкин, К., прот. Наука и религия на рубеже III тысячелетия [Электронный ресурс] / Протоиерей К. Копейкин. – URL: <http://www.bogoslov.ru/text/487713.html> (дата обращения: 20.05.2018).
7. Крывелев, И.А. Современное богословие и наука / И.А. Крывелев. – М.: Политиздат, 1959. – 208 с.
8. Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун; пер. с англ. – М: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 605 с.
9. Кюнг, Г. Великие христианские мыслители / Г. Кюнг; пер. с нем. – СПб.: Алетейя, 2000. – 442 с.
10. Мень, А.В. История религии: В поисках Пути, Истины и Жизни: В семи томах / А.В. Мень. – М.: СП «Слово», 1991. – Т. I. – 287 с.
11. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. XIV. Светские наука, культура, образование [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (дата обращения: 20.05.2018).
12. Политика РПЦ МП: консолидация или развал страны? Открытое письмо президенту Российской Федерации В.В. Путину [Электронный ресурс]. – URL: http://scepsis.net/library/id_1346.html (дата обращения: 20.05.2018).
13. Полкинхорн, Дж. Наука и богословие: Введение / Дж. Полкинхорн; пер. с англ. – М.: Изд-во ББИ, 2004. – 158 с.
14. Стёпин, В.С. Наука, религия и современные проблемы диалога культур / В.С. Стёпин // Наука и религия. Междисциплинарный и кросс-культурный подход. Научные труды / под ред. И.Т. Касавина. – М.: «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2006. – С. 11–25.
15. Франк, С.Л. Религия и наука / С.Л. Франк // Религия, философия и наука. Брюссель. – 1953. – № 1. – С. 1–26.
16. Де Шарден, Т.П. Феномен человека. Вселенская месса / П.Т. де Шарден; пер. с франц. – М.: Айрис-пресс, 2002. – 352 с.